

IR Мы предлагаем очередную, шестую главу из новой книги *В.В. Волкова* «Силовое предпринимательство в современной России». А совсем скоро в издательстве «Летний сад» появится российский вариант этой книги.

Глава 6 БАНДИТЫ И КАПИТАЛИСТЫ

Волков Вадим Викторович

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Email: volkov@eu.spb.ru

В середине 1990-х гг. широкую известность получили данные о масштабах организованной преступности, опубликованные Аналитическим центром по социальной и экономической политике при президенте РФ. Согласно этим данным, преступные группировки контролировали или владели (конкретное содержание отношений собственности не уточнялось) 40 000 предприятий, включая 2 000 в государственном секторе. Три четверти предприятий выплачивало охранную дань криминальным структурам¹. Аналитический центр РАН опубликовал еще более ошеломляющие данные, согласно которым 55% капитала и 80% голосующих акций находились в руках организованной преступности². Основываясь на этих данных, Центр стратегических и международных исследований США авторитетно заключил, что примерно 2/3 российской экономики находится под контролем преступных синдикатов и что российская организованная преступность представляет угрозу национальным интересам США³.

Потом, правда, выяснилось, что цифра, названная государственной статистикой (сорок тысяч предприятий), в четыре раза превышает число средних и крупных предприятий, приватизированных к тому времени, и в два раза превышает число существующих в стране крупных предприятий. Т.е. если эти данные и имели под собой какую-либо реальность, то речь шла преимущественно о мелких фирмах⁴. По мнению группы американских ученых, занимавшихся исследованием российской приватизации, «многие крупные приватизированные фирмы не приносят прибыли, а даже организованная преступность заинтересована в том, чтобы риск соотносился с выгодой. Трудно представить себе, зачем организованной преступности контролировать слабые предприятия, которые увольняют работников, имеют серьезные проблемы с наличностью, сокращают производство и борются за то, чтобы сохранить детские сады, жилье и больницы, необходимые работникам»⁵.

¹ *Известия*, 1994. 26 января.

² *Независимая газета*, 1995. 21 сентября.

³ Webster, W. *Russian Organized Crime. Global Organized Crime Project*. Washington: Center for Strategic and International Studies, 1997. P. 2.

⁴ Blasi, Joseph, Maya Kroumova, and Douglas Kruse, *Kremlin Capitalism: Privatizing the Russian Economy*. Ithaca: Cornell University Press, 1997. P. 116.

⁵ *Ibid.* P. 119.

Без понимания форм, степени и смысла контроля преступных группировок над экономикой огрубленная и абстрактная статистика может привести к искаженным представлениям. Отдельные действия по сбору охранной дани, силовое партнерство и владение акциями – все это подразумевает определенную степень контроля, однако каждое действие имеет свой характер и масштаб. Последствия такого контроля для криминальных группировок, а также для экономических предприятий, окажутся различными в зависимости от характера бизнеса и экономического поведения конкретных группировок. Контроль диалектичен по своей природе и порою предполагает взаимное влияние. В результате преступная группировка может сама попасть в зависимость от экономических активов, которые ей удалось захватить, особенно в том случае, если она намеревается получать постоянные доходы от их использования. Действительная степень контроля ОПГ над частной экономикой в России может отличаться от той, что показывает приведенная статистика; к тому же сам характер и последствия такого контроля в разных ситуациях могут оказаться различными. Более того, в ходе развития преступных группировок и экономических предприятий видоизменяются и отношения между ними. Можно также предположить, что владение экономическими активами способно изменить поведение преступной группировки, и наоборот, установление криминального контроля может повлиять на структуру затрат данного предприятия.

Эти предположения возникли в результате наблюдений и бесед, проведенных в ходе данного исследования. Однако, учитывая специфический характер предмета исследования, их систематичная проверка была практически невозможной. Тем не менее, без понимания экономического аспекта действий силовых структур и их эволюции в меняющемся политико-экономическом контексте 1990-х гг. мы рискуем упустить важнейшую особенность становления капитализма. Я попытался преодолеть эту трудность при помощи исследования отдельных случаев [case studies], когда отсутствие большого массива данных компенсируется вниманием к деталям. Выбор случаев для исследования во многом определялся наличием доступа к объекту исследования. При этом – там, где это было возможно – я стремился найти случаи, которые вначале являлись вполне типичными, но впоследствии становились исключительными. Иными словами, наибольший интерес вызывали ОПГ и их лидеры, которые начинали так же, как и многие другие, но впоследствии оказались гораздо более экономически успешными. До сих пор наше внимание было сосредоточено на силовых возможностях преступных группировок, их взаимоотношениях, структуре и практиках, связанных с распоряжением организованной силой. Теперь мы перейдем к их экономической политике.

Карьера силового предпринимателя

Как становятся силовыми предпринимателями? В легендах о людях, достигших каких-либо выдающихся успехов, часто упоминаются некие способности, которые проявились еще в ранние годы. Например, как повествует миф, Геракл, еще будучи младенцем, задушил двух змей, посланных убить его. В ретроспективе ранние признаки профессиональной пригодности трактуются как предопределенность к будущим достижениям. Истории о знаменитостях преступного мира – не исключение. Еще в школе будущий глава нью-йоркской мафии Лаки Лучиано зарабатывал карманные деньги (и авторитет) тем, что предлагал младшим и более слабым еврейским мальчикам услуги личной охраны и защиту от побоев по дороге в школу. Если они отказывались, он избивал их сам. Один слабый с виду мальчик как-то отказался ему платить, и Лучиано решил его проучить, однако получил неожиданно твердый отпор. Этого мальчика звали Мейер Лански; впоследствии он стал главой еврейской мафии и другом Лучиано

на всю жизнь⁶. Один из респондентов, активный член чеченской диаспоры в Петербурге, начал свою карьеру сходным образом. В интервью он рассказал, что в целях зарабатывания карманных денег он обычно предлагал защиту своим одноклассникам, занимавшимся фарцовкой и спекуляцией. Студентом он уже работал в службе безопасности Гранд-отеля «Европа» и, помимо этого, предоставлял охранные услуги Американскому медицинскому центру в Петербурге: «Они платили 300 в месяц. Решал вопросы, консультировал. Я нормально говорю по-английски, у меня честные глаза, широкая улыбка. А они, как и все иностранцы, боялись бандитов, наглых, brutальных. А я в костюме, галстук, чистой рубашке, подъезжал на служебном “Вольво”» [1].

В различных социальных обстоятельствах одни и те же личные качества и способности могут вести к различным карьерам. Человек, выросший в среде мелкого духовенства, проявивший соответствующие способности и имеющий высокие шансы сделать хорошую карьеру священника, может, тем не менее, стать воинствующим материалистом и революционером, как это случилось со многими молодыми интеллигентами в России в 1860-е гг. Способности человека не определяют его профессиональную траекторию, однако ограничивают возможные варианты реализации этих способностей. При определенных обстоятельствах киноактер может стать публичным политиком, но ему вряд ли удастся преуспеть в профессии бухгалтера. Макс Вебер назвал особый тип взаимосвязи между личными склонностями индивида и их вероятными (однако не обязательными) формами социальной реализации «избирательным сродством» [elective affinity]⁷. В своей классической работе он выявляет «избирательное сродство» между протестантским аскетом и предпринимателем эпохи раннего капитализма. Социолог Геннер Гесс также попытался установить нечто вроде избирательного сродства между традиционным сицилийским характером и типичными чертами поведенческого кодекса мафиози⁸. Экономическая модель мафии, предложенная Д. Гамбетта, напротив, ограничивается рассмотрением основных характеристик рынка специфического товара под названием «охрана» и соответствующим набором вариантов поведения, для которых не требуется особая теория социализации. Совершенно верно предполагая, что в происхождении мафии нет особых этнических черт (в данном случае, южно-итальянских), Гамбетта, тем не менее, недооценивает роль субкультуры, хотя и признает ее значение как некоторой совокупности навыков⁹. Не имея какой-либо жесткой связи с этничностью, субкультура, на наш взгляд, играет существенную роль в воспитании потенциальных силовых предпринимателей. В случае затрудненного институционального воспроизводства боксерский клуб, сицилийская деревня, тюремный лагерь, армейское подразделение, этническая диаспора и даже отделение милиции могут стать субкультурами, порождающими силовых предпринимателей. Очевидные различия данных институтов могли бы привести к мысли о том, что субкультура является сомнительным понятием и что существуют дополнительные факторы – например, социальные и политические условия, – которые как раз и являются основополагающими. Однако некоторые виды занятий (например, работа ученого), некоторые виды спорта (например, настольный теннис) и определенные места (такие, как российское село – за исключением казачьих областей) имеют меньше шансов воспитать силового предпринимателя, чем специальная служба, боксерский клуб или горная деревня на Кавказе. Субкультура также важна в качестве фактора,

⁶ Sifakis, Carl. *The Mafia Encyclopedia*, New York: Facts on File, 1987. P. 200.

⁷ Weber, Max. *Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Scribner's, 1958. P. 90–92.

⁸ Hess, Henner. *Mafia and Mafiosi: The Structure of Power*. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1973.

⁹ Gambetta, Diego. *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*. Cambridge: Harvard University Press, 1993. P. 10–11.

влияющего на социальную траекторию силовых предпринимателей и их способность к групповому воспроизводству. Вероятность того, что бывшие служащие вооруженных сил или государственных органов правопорядка, ставшие участниками неформальных силовых структур, будут работать в охранных агентствах или даже вернуться на государственную службу, гораздо выше, чем в случае представителей традиционной уголовной субкультуры. Таким образом, можно предположить, что принцип «избирательного сродства» Вебера действует на уровне субкультур. Индивиды, социализированные в определенной субкультуре, т.е. сформированные и подготовленные ею, могут быть призваны для деятельности, не предусмотренной и даже запрещенной данной субкультурой, но ключевым образом зависящей от ее норм и навыков.

Некоторые субкультуры в России сформировали индивидуальные склонности и навыки, необходимые для силового предпринимательства. Существенный вклад внесли спортивные клубы, особенно те, которые специализировались в боевых искусствах и единоборствах. По моим наблюдениям, примерно трое из пяти членов петербургских преступных группировок среднего и высшего звена в прошлом занимались спортом. В других городах, особенно Москве и Екатеринбурге, наблюдалась сходная тенденция. Бывшие борцы так же преуспели в незаконном силовом предпринимательстве, как бывшие сотрудники милиции и государственных охранных служб – в частном охранном секторе. Данная модель едва ли нуждается в объяснении. Сочетание таких качеств, как дух соперничества и солидарности, физическая подготовленность и сила воли, готовность применить силу, переносить физическую боль, лидерство и дисциплина, – все эти характеристики делали спортсмена подходящей кандидатурой на роль силового предпринимателя. Тем не менее, этих качеств было недостаточно для того, чтобы отдельная личность или группа добилась успеха на этом предпринимательском поле. Из всех спортсменов только некоторые стали силовыми предпринимателями, и только единицы добились крупного успеха. Приведенные ниже свидетельства и комментарии дают представление о том, как это происходило.

Борцовская бригада

С Валерием (имя изменено) я познакомился в гостиничном баре летом 1998 г. Наш общий знакомый отозвался о нем как об авторитете и определил его статус как «генерал, но не маршал» [9]. Внешний облик – короткая стрижка, массивная золотая цепь, крест и браслет. Роста среднего, однако его физическое сложение выдавало в нем спортсмена: Валерий – мастер спорта по вольной борьбе. Как приличествует его статусу, он держал двух телохранителей (один из них также работал водителем на его джипе «Мицубиси Паджеро», а другой выполнял функции личного секретаря). Во время первого интервью речь шла, в основном, о вопросах, связанных с формированием и деятельностью преступных группировок, а также о недавнем пребывании Валерия в тюрьме – воспоминания были еще свежи. Спустя полтора года состоялись еще две встречи, одна – в том же гостиничном баре, другая – в его офисе. К тому времени его золотые регалии исчезли. На задней стене офиса висел большой плакат с изображением лидеров проправительственного движения «Медведь», которое чуть не выиграло последние выборы: министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу, ведущий специалист по борьбе с мафией Александр Гуров и чемпион по греко-римской борьбе Александр Карелин. Заметив мое удивление, Валерий показал мне на автограф Карелина на плакате и сказал: «Мой коллега, так сказать». Я не стал интересоваться, что именно он имел в виду.

Мне пришлось освоить скоропись, поскольку использование диктофона было исключено. Я пояснил, что мне как социологу важны общие модели, схемы и примеры и что мне не интересно, кто кого убил, а также любые другие сведения, которые могут подвергнуть его или

меня риску. Во время этих интервью я мог задавать любые вопросы, однако мой респондент отвечал только на те, которые считал возможными. Было оговорено, что Валерий будет просто пропускать вопросы, которые сочтет неуместными. Как и с другими респондентами, несмотря на то, что у меня был план интервью и список подготовленных вопросов, разговор часто приобретал неожиданные повороты. Социологи называют такие беседы «полуструктурированным интервью».

Валерий родился в 1962 г. в Ленинграде. В пять лет он начал посещать спортивную школу, а в семь уже был принят в спортивный класс при Школе высшего спортивного мастерства (ШВСМ). Это означало постоянные тренировки помимо обычной учебной нагрузки средней школы. «Мы тренировались до 8-10 вечера. Я был в секции вольной борьбы. Все друг друга хорошо знали, вместе тренировались и ездили на соревнования – борцы, боксеры, самбисты, дзюдоисты. Путин, кстати, тренировался в этой же школе». В 1979 г. Валерий окончил среднюю школу и в следующем году – торговый техникум. Когда в 1982 г. он демобилизовался из армии, его пригласили в команду «Динамо». *«На самом деле это означало работу в милиции. Ты, наверное, знаешь, что “Динамо” – милицкий клуб, там тебя официально принимают на службу и присваивают звание. Зарплата была 170 рублей в месяц плюс талоны на обед, которые я мог продать, так что в целом получалось около 300 в месяц. Но я быстро понял, что таким способом мне на машину не накопить».* В 1985 г. Валерий решил бросить занятия спортом, однако МВД не позволяло ему формально уволиться из милиции, пока он не предоставил медицинское свидетельство, согласно которому его можно было демобилизовать. Таким образом, спустя пятнадцать лет он закончил свою карьеру в вольной борьбе и официально ушел из ШВСМ. Он ушел из спорта, получив специальную подготовку и приобретя массу связей с борцами, боксерами, дзюдоистами и т.д.

«После этого я пошел на работу в “Елисейский”. Туда ходит очень много людей, и это дает возможность понять, что происходит [Валерий имеет в виду особых людей, связанных с теневой экономикой, а не обычных покупателей. – Прим. авт.]. Тогда уже я понял, что неважно, из каких ты слоев, но если ты сможешь что-нибудь придумать и перевести свои мысли в экономику, то можно получать большие дивиденды. Надо просто подойти к этому с творческой стороны». Зараженный духом предпринимательства, Валерий начал искать сферы для его применения. Это были годы, когда еще действовали горбачевские ограничения на торговлю алкогольными напитками. Официально запрещалось продавать алкоголь после семи часов вечера. В результате процветала нелегальная торговля. Центром этой деятельности были стоянки такси, студенческие общежития и магазины в частных квартирах. *«Мы, так сказать, решили отобрать торговлю водкой у государства. То есть объединить торговлю после семи. Для начала нам было необходимо наладить оптовые поставки и взять на себя управление розничной торговлей. Мы приходили к директору магазина и предлагали ему продавать нам, там, четыре машины водки в месяц».* Закупка водки через подкупленных директоров универмагов по государственной розничной цене стала стандартной схемой деятельности складывавшейся ОПГ. Розничная цена бутылки возрастала вдвое после семи вечера; команда Валерия забирала себе разницу и платила директорам их долю. Если директора магазинов не хотели продавать часть своих поставок водки через заднюю дверь, Валерий делал им предложение, от которого нельзя было отказаться. *«Некоторые директора были не готовы к такому бизнесу. Иногда их приходилось убеждать. Как-то нам пришлось перевернуть машину одного такого директора. Но обычно они соглашались. Несложно подсчитать, сколько они получали с одной машины водки. Директор получал за нее тридцать тысяч рублей, что совсем неплохо по тем временам. Потом он видит, что мы исправно отдаем ему его долю и решаем его проблемы – ну, вот так и работали».*

Возникновение новой группировки, которую в то время называли *борцовская бригада*, не осталось незамеченным в уголовном мире. Люди из уголовного мира пытались наладить контакты с борцами, вовлечь их в свою систему взаимоотношений и ценностей.

«Иногда [уголовники] нас спрашивали: по какой жизни живете? А мы: «Ни по какой» [имеется в виду отсутствие особого кодекса понятий. – Прим. авт.]. По возможности старались без жестокости. Но никто не мог сопротивляться организации. А я сделал под себя организацию. Каждый знал свое место и обязанности. Никаких наркотиков, постоянные встречи, тренировки. Бригады избирают лидера. Я особо не люблю власть и стараюсь ее лишней раз не показывать, но в работе ты обязан показывать, что ты за все отвечаешь».

Таким образом, с одной стороны, существовала организация, дисциплина, физическая подготовка – некоторый род военизированной структуры. С другой стороны, ее лидер, выпускник торгового техникума, искал возможности коммерческой реализации и приспособил свою организацию для осуществления коммерческих проектов. *«Я искал свободные темы, меня не интересовали темы, которые не приносят деньги. Воровством или мошенничеством старались не заниматься, это грязные деньги. Я не люблю, когда деньги лежат просто так. Они должны куда-то вкладываться. В один момент мы открыли частную швейную мастерскую, в которой шилась одежда, потом на нее нашивались модные лейблы, и затем она шла на продажу. Потом пошли к Мише Глуценко, тамбовскому, спросили, можно ли поставить своих людей у Смольного [имеются в виду фарцовщики под прикрытием бандитов. – Прим. авт.]. Глуценко широким жестом сказал: “Ставь”. Серьезные изменения произошли в 89-м. Стали открываться кооперативы, и мы стали делать, что и все, – охранять точки, ставить коммерсантов, ларьки. Потом еще выкупили универсам за семьдесят тысяч рублей».*

В этот момент я спросил Валерия, кого он имеет в виду под «мы». Последовал ответ: *«Пластинин, борцы Поздняк и Чум, боксер Вопрос и Коля Нос, тоже боксер. У них были свои команды. В начале у нас было около тридцати человек».* Таким образом, изначально предприятие Валерия насчитывало пять бригадиров, по пять-шесть человек у каждого. Позже в группировку вошел еще один бригадир, Денис, в прошлом метатель молота. У Валерия также был ближайший помощник, мастер спорта по дзюдо и выпускник Ленинградского университета. По отдельным замечаниям я пришел к заключению, что первоначально группировка была в некоторой степени связана с крупной преступной организацией *мальшевских*, однако в 1990-е гг. приобрела независимость.

Характер деятельности группировки Валерия был таким же, как и у других структур подобного рода. Она контролировала один из городских рынков и ряд частных магазинов и кафе. Борцы предоставляли физическую охрану, обеспечивали контрактную дисциплину, разрешали конфликты. Валерий подчеркивал свою роль организатора, способного создать и наладить дело, которое группировка взяла под контроль. Например, в 1990–1991 гг. группа контролировала проституцию в центре города – дело, которым прежде занималась *тамбовская* группировка, но собиралась его оставить. Будучи достаточно прибыльным делом, проституция тем не менее рассматривалась как неблагородная «тема», которая может понизить статус группировки, поскольку предполагала получение дохода «за счет женщин».

«Мы взяли улицу Толмачева [место сбора проституток в конце 1980-х гг. – Прим. авт.]. Тамбовские особо ничего, кроме сбора дани, там не делали. Мы поставили бригаду и сказали девушкам, чтобы они запоминали имена и адреса, если с ними плохо обойдутся или не заплатят. Когда они жаловались, мы предпринимали действия, и они чувствовали себя в безопасности, а остальные знали, что мы это так просто не оставим. И к нам много обращались, хотели работать с нами. Мы наработали определенную репутацию. После этого мы на какое-то время влезли в долговую тему, потом занялись оптовыми складами. Затем мы

решили, что нам нужно заняться производством. Купили хозяйство под Псковом. Какие-то кавказцы заявили, что это их земля. Мы спросили: «Что значит “ваша земля”? Ваша земля – это горы, вот туда и валите». Возникла напряженная ситуация, но в конце концов мы их выгнали. Сделали ферму и стали поставлять мясо предприятиям в обмен на их продукцию, на те товары, которые, мы думали, сможем продать за наличные. Так нарабатывали связи. Затем пригласили партнеров из Москвы, они добавили денег, и мы открыли мясоперерабатывающий завод».

От другого члена этой группировки я узнал о передаче управления, практикуемой в бандитских кругах. Когда авторитета тамбовской группировки по кличке «Анжей» отправили за решетку, он предложил Валерию за «полдоли» управлять делом, которое он контролировал до ареста – мотель «Ольгино» на трассе Петербург-Хельсинки. Валерий согласился. «Видел бы ты, что творилось у тамбовцев», – комментирует Геннадий:

«Проститутки, наркотики, карманники, полный бардак. Наркоторговцы были выгнаны сразу. Затем Валерий принялся за подсчеты необходимого количества проституток, чтобы удовлетворить спрос. Не знаю, как он это сделал, но в конечном итоге у него получилась некая квота. Всех остальных выгнали. Затем он принялся за рестораны и бары. Один раз смотрим, появляются карманники. И говорим им: “Нет, ребята, вы здесь работать не будете”, – и выпроваживаем их. На следующий день приезжает вор в законе: «С какой стати вы не даете им воровать?» А Валерий говорит: они, мол, воруют не у туристов. Они воруют у меня и у Анжея, который сейчас на зоне. Потому что если у чухонских туристов украдут кошелек, они не выложат денег за выпивку и проституток. Я позволю им воровать мои деньги?» [9].

В 1992 г. верхушка ОПГ, включая Валерию, была арестована и получила обвинение в вымогательстве. Вот что, вкратце, привело к аресту. Группировка охраняла профессионального мошенника, некоего Льва Левина. Когда Валерий поехал в Москву, местные бандиты попросили его помочь им найти человека, который незаконно присвоил 65 млн. руб. Электробанка и, по подозрениям, скрывался в Петербурге. Оказалось, что этим человеком был Левин, который кинул и московский банк, и своих партнеров. Валерий начал оказывать на Левина давление, чтобы тот вернул деньги, однако в конечном итоге Левин обратился в РУБОП. Имелся еще один эпизод вымогательства, а также потерпевший, автомеханик «Поршень», который обслуживал автомобили ОПГ, взял деньги в долг, не смог отдать и скрылся. Позже члены группировки его поймали, пристегнули наручниками к трубе в туалете и оставили подумать о том, как вернуть долг. Однако ему удалось открыть наручники и сбежать. Единственным выходом для него было сдать в РУБОП.

Валерия осудили на восемь лет лишения свободы; его сподвижники получили меньшие сроки. Через шесть лет, в конце 1997 г., его выпустили. Этот арест привел к некоторому отставанию ОПГ, особенно учитывая тот факт, что в середине 1990-х гг. силовые предприниматели активно проводили раздел потенциальных сфер влияния. Группировке, тем не менее, удалось сохранить свои основные предприятия при помощи тех ее членов, которые остались на свободе. Существует неофициальное правило, которое запрещает бандитам захватывать экономические предприятия других бандитов, отбывающих тюремный срок. Несмотря на это, силовые предприниматели делают все возможное, чтобы избежать ареста и заключения, так как это приносит серьезный материальный ущерб, препятствуя заключению предполагаемых договоров и разрывая уже существующие. В случае Валерия, однако, следует также помнить, что годы, которые он провел за решеткой, были самыми жестокими в современной российской истории и стоили многим, подобным ему, жизни.

Директор рынка

В какой-то момент разговора в помещение вошел человек, который поздоровался с Валерием и передал ему какие-то бумаги. Валерий представил его как «Гургена». Это событие изменило ход беседы. «Гурген – мой коммерсант. Я работаю с ним с 1991 года, он профессионал». Для коммерчески настроенного авторитета стало обычным иметь ряд доверенных бизнесменов. К ним относятся не просто как к источникам дани, но как к настоящим деловым партнерам. Они управляют инвестициями ОПГ, в то время как авторитет обеспечивает их сохранность, выполнение существующих договоров и ищет новые сферы вложения. Каждый владеет половиной акций общего бизнеса и занимает некоторую формальную должность. Так, Гурген оказался исполнительным директором холдинговой компании, владеющей и управляющей тремя крупными городскими рынками (Торжковским, Полустровским и Южным), в то время как Валерий официально занимал пост заместителя директора.

В истории Валерия, так же, как и в офисе, где она была рассказана, много свидетельств рационализации деятельности ОПГ. Валерий подчеркивает важность специалистов и формальных отношений. Он оборачивается, показывает на таблицы и графики, висящие на стене рядом с плакатом «Медведя», и начинает объяснять.

«Сейчас уже время профессионалов. У нас все по отношениям, а надо так, как нужно. А сейчас все еще близкие люди. [Здесь имеется в виду, что надо отказываться от дружеских отношений и знакомств как основы организационной структуры и переходить к должностным отношениям. – Прим. авт.] Вот теперь у нас графики, все должности и работы расписаны, можно смотреть, кто что должен делать. В мае 1998 у нас было более половины акций, теперь уже 100%. Начали с пакета 25%, потом скупали у трудового коллектива. Что касается южного рынка, то там мы выиграли тендер, честно, наш проект был признан городскими властями лучшим. Деньги – инструмент для реализации мыслей. Недавно мы заинтересовались одним заводом. Вложили деньги, и он заработал».

Затем я поинтересовался у Валерия, изменились ли деловые взаимоотношения в последние годы и каким образом. *«Меньше обмана. Вообще я считаю, что обманывать нельзя. Когда происходит сделка, мы, силовые партнеры, встречаемся и договариваемся. А мне все равно, кто у них партнер, например, у них – казаки. Мы устанавливаем, кто такие. Вот у них там, скажем, окажется такой-то, боксер, я его знаю, тренировались когда-то вместе. Я позвоню, спрошу, как и что, он даст гарантии, а я ему верю. Но это неформальный путь. Можно пойти по юридическому пути. Вот у нас работает юрист, бывший зам. прокурора города. Сидел за получение взяток от чеченцев, мы его вытаскивали, теперь он работает у нас. Тогда составляется контракт со всеми формальностями, и если что, будем действовать через суд. Это раньше были кидки и ответные комбинации. Мне неинтересно стать богаче на энную сумму, если это связано с риском. Потом надо будет жить на матрацах. Вот Эльдар мальшевский, кинул там кого-то и живет на матрацах».* В этот момент Валерий предложил провести экскурсию по рынку. Это также означало, что интервью закончено, и мы покинули офис.

Отношение, которое Валерий демонстрировал на протяжении всего интервью, может быть определено расхожим словом «хозяин», которое одновременно означает «владелец» и «руководитель». Это слово ассоциируется с некими продуктивными результатами управления, ответственности и защиты и относится к руководству экономической собственностью, хозяйством. Обозначая главу зажиточного крестьянского хозяйства, оно, тем не менее, широко используется при описании успешных областных губернаторов и городских мэров (московский мэр Юрий Лужков считается образцовым хозяином), директоров предприятий и местных олигархов. Несмотря на свой традиционный оттенок, данное понятие вполне применимо к

современным формам владения и управления, поскольку его традиционный характер не относится ни к конкретным областям, ни к технологиям управления, но указывает исключительно на полный суверенитет (и авторитаризм) руководителя и экономические результаты руководства. Хозяин – это сильная личность, которая обеспечивает порядок и содействует экономическому росту в данном регионе. В ходе интервью Валерий уважительно отзывался о красноярском алюминиевом «бароне» и неформальном областном правителе Анатолии Быкове. Бывший тренер по боксу, Быков (прозвища «Толя-бык» или «Челентано») сделал стремительную карьеру, превратившись из главаря местной бригады рэкетиров в директора холдинговой компании ТАНАКО, которая в то время владела областным алюминиевым и энергетическим комплексом. Быкова часто называли хозяином края (в настоящее время он находится под арестом после конфликта с красноярским губернатором Александром Лебедем). «После выхода из тюрьмы я какое-то время прожил в Красноярске», – рассказывает Валерий. – «Быкова там очень уважают как настоящего хозяина. В области нет группировок, потому что Быков их разогнал. Ему удалось подчинить своей воле миллионный город и навести там порядок».

В контексте быстрых общественных изменений идея хозяина стала исключительно прагматичной – любые методы овладения собственностью хороши, если это впоследствии приносит порядок, стабильность и экономический рост. Другими словами, то, как человек управляет собственностью, важнее, чем то, как он ее приобрел. Подобное отношение, характерное для периода раннего капитализма, неизбежно подводит российское руководство к неприятному выбору между рационально-экономическим и правовым подходами к появившейся новой породе местных хозяев экономических активов. Следует ли интегрировать их в новые структуры управления экономикой на различных уровнях? Следует ли признать их уже существующее экономическое положение де юре или нужно провести их чистку в соответствии с буквой закона? При отсутствии четкой позиции центральных властей по этому крайне важному вопросу второго этапа российских реформ проблема находит свое разрешение на местном уровне.

Эволюция неформальных силовых структур

Мы назвали «силовой структурой» любое сообщество, которое распоряжается организованной силой и управляет этим ресурсом таким образом, чтобы превратить его в источник постоянного дохода, прежде всего путем установления контроля над местной экономикой. Насилие и принуждение – мощные инструменты, используемые в борьбе между силовыми структурами, однако их недостаточно для длительного выживания. Необходимость гарантированного дохода привела некоторые ОПГ к принятию новой стратегии с целью увеличения своего участия в экономике. Их лидеры ощущали, что экономические вложения и участие в местной политике могут сделать их менее уязвимыми в случае, если государственная политика по борьбе с преступностью будет проводиться более активно. Это, в свою очередь, заставило лидеров сделать два существенных долгосрочных изменения: ввести более эффективное распределение прав собственности на предприятиях, которые они контролировали, и изменить свой статус в глазах закона и общественного мнения. Криминальная репутация, которая играла важнейшую роль на начальных этапах становления частного предпринимательства, оказалась отрицательным активом в контексте новых задач. История каждой ОПГ имеет, естественно, свою местную специфику. Однако можно выделить ряд общих этапов, через которые прошли ОПГ, условно обозначенные здесь как экономически успешные: 1) формирование рэкетирской бригады; 2) наращивание силового ресурса и создание мощной силовой структуры; 3) война «на выживание» и консолидация; 4) капитализация дохода от силового предпринимательства и

заключение неформального пакта с местными властями; 5) создание бизнес-групп; 6) создание политической организации («надстройки»). Далее эта тенденция будет проиллюстрирована на примере эволюции двух силовых структур, *тамбовской* и *уралмашевской*.

Тамбовские

Владимир Кумарин, будущий лидер *тамбовской* группировки, приехал в Ленинград в конце 1970-х гг. и поступил в Институт точной механики и оптики. Он не был профессиональным спортсменом, хотя занимался различными видами спорта и в опубликованной А. Константиновым автобиографии особо подчеркивал свою физическую силу¹⁰. Вскоре Кумарин бросил учебу и пошел работать вышибалой в кафе-бар «Роза ветров». «Мы обеспечивали безопасность в кафе, улаживали конфликты – в общем, были вышибалами. Там появлялось много интересных людей, и мы, конечно, с ними общались. Тогда мы познакомились и с Новоселовым, нынешним заместителем председателя законодательного собрания Петербурга».¹¹ Тогда, в середине 1980-х гг., немногочисленные бары были центрами притяжения людей с теневыми доходами, картежников и другой публики, тяготеющей к конфликтам. «Почти все мои знакомые и друзья прошли через школу баров: и Малышев, и Артур, и “Крупа”, и Паша Кудряшев, и Челюскин. Мы все варились в одном котле»¹².

История *тамбовской* группировки (*тамбовских* или *тамбовцев*) берет свое начало в 1988 г., когда в Ленинграде встретились два уроженца Тамбова – Кумарин и выпускник Ленинградского института физкультуры им. Лесгафта по кафедре бокса Валерий Ледовских. Первоначально они собрали бригаду, охранявшую наперсточников. Далее эта бригада пополнялась уже не строго по земляческому, а скорее по спортивному принципу (многие участники пришли из силовых видов спорта). Само название группировки уже не отражало ее географическое происхождение. Как и названия других подобных группировок, оно, в первую очередь, способствовало внутренней дифференциации разраставшейся рэкетирской среды – в то же время появились *малышевские*, *пермские*, *казанские*, *мурманские* и т.д. *Тамбовские* получили широкую известность благодаря серии телевизионных репортажей журналиста Александра Невзорова. По словам Кумарина, «...Невзоров начал выпускать репортаж за репортажем об ужасных “тамбовцах” – для нас это как реклама была. Так все к нам и полезли сами. Хотя было и такое, что людей искусственно заманивали, не буду отрицать»¹³. В начале 1990-х гг. группировка начала стремительно расти, пополняя свои ряды бывшими спортсменами и присоединяя небольшие уже сформировавшиеся бригады. Кроме упомянутых «основателей», в верхний эшелон *тамбовских* входили бывший тренер по боксу, впоследствии депутат Госдумы по списку ЛДПР Михаил Глущенко («Хохол»); лидеры *великолукской* бригады братья Гавриленковы; будущий директор частного охранного предприятия «Скорпион» Александр Ефимов (осужден в 1999 г.); бизнесмен Олег Шустер, некоторое время владевший местным 11-м телеканалом; а также набравшие силу *авторитеты* Вася «Брянский», Степа «Ульяновский» и Боб «Кемеровский». Каждому из них подчинялось несколько бригад. По различным оценкам, численность ОПГ в 1990 г. достигала от 300 до 500 человек. На этом этапе *тамбовские* занимались стандартным силовым предпринимательством, навязывая охранные услуги и контролируя экономическую

¹⁰ Константинов А. Бандитский Петербург '98. Санкт-Петербург: Олма-пресс, 1999. С. 353.

¹¹ Там же. С. 354.

¹² Там же. С. 355.

¹³ Там же. С. 359.

деятельность компаний и кооперативов, как в легальной, так и в теневой сферах, от импорта оргтехники и экспорта леса, до игорного бизнеса и проституции.

В 1990 г. в результате разработки *тамбовских* правоохрнительными органами 72 участника группировки, включая Кумарина и Ледовских, оказались за решеткой. Кумарин был приговорен к четырем годам лишения свободы. Эта операция серьезно ослабила группировку, однако не нанесла большого ущерба преступному миру города. Она, скорее, изменила соотношение сил в пользу *мальшевской* и других конкурирующих группировок. В 1991–1992 гг. Александр Малышев превратился в главного «стационарного» бандита, имевшего офис в международной гостинице «Пулковская». Он сумел объединить под своим руководством множество разрозненных рэкетирских бригад, в том числе и некоторых бывших членов *тамбовской* группировки. В 1992 г. созданное тогда Северо-западное управление по борьбе с организованной преступностью (РУБОП) начало борьбу с *мальшевскими* и арестовало лидера и его ближайших помощников. Согласно Константинову, вакуум в руководстве, созданный после ареста «императора», привел к волне убийств и столкновений 1992–1993 гг. По некоторым подсчетам, за эти годы было убито 35 бандитов высшего и среднего звена¹⁴. Многие небольшие группировки позже откололись от *мальшевских* и продолжили самостоятельную деятельность. Поскольку действия правоохрнительных органов не могли повлиять на условия, вызвавшие к жизни организованную преступность (и особенно на ее экономическую базу), их усилия вызывали лишь внутреннюю реконфигурацию преступной среды, не затрагивая ее способность к воспроизводству. Как только *мальшевским* был нанесен удар, другая ОПГ поспешила этим воспользоваться и изменить расстановку сил. Постоянно пополняемая молодыми бойцами из города на Волге, *казанская* преступная группировка вскоре заявила о себе в Петербурге.

Феномен молодежных группировок в Казани все еще ждет своего объяснения. В начале 1980-х гг., когда уровень общественной безопасности в Советском Союзе был еще высок, а уровень преступности низок, Казань и еще один близлежащий татарский город Набережные Челны уже были поделены между молодежными группировками. Каждая группировка называлась по имени определенного городского района. Изначально они занимались грабежами, мелким вымогательством, хулиганили и устраивали драки. Для большинства активное участие в действиях группировки редко продолжалось после двадцати лет, однако эффективный механизм набора новых одиннадцати-двенадцатилетних мальчишек гарантировал постоянное пополнение преступной среды. Еще одной отличительной чертой казанских молодежных группировок было отсутствие среди них спортсменов и их открытое презрение к культу мускулов. Вместо этого они широко использовали ножи, стилеты, металлические прутья, дубинки и другое традиционное оружие. Соответственно, многие употребляли наркотики и тяготели к традиционным видам преступности [14]. С ростом частного предпринимательства группировки занялись рэкетом, однако масштаб частного бизнеса в Казани не соответствовал объему предложения «охранных услуг». Поэтому после того, как первые представители *казанских* устроились в Петербурге, группировки начали на короткие сроки посылать свои бригады в северо-западный регион. Несколько *авторитетов* руководили десятками сравнительно независимых бригад, каждая из которых добывала деньги для своей «материнской» группировки в Казани. В случае конфликта они, тем не менее, выступали как объединенная сила. После нескольких месяцев пребывания в городе на Неве те, кто выжил, возвращались в свой родной город на Волге и заменялись свежим контингентом.

¹⁴ Константинов А. Бандитский Петербург? 98. С. 144.

Подобная тактика позволила *казанским* быстро усилить свое влияние в Петербурге в 1993 – 1994 гг., потеснив местные группировки. Однако их тактическая сила обернулась стратегическим поражением. В течение долгого времени их склонность к жестоким криминальным методам, активное участие в наркоторговле и система ротации препятствовали внедрению в местную политико-экономическую систему. Цитируя неназванных представителей *тамбовских*, Константинов утверждает, что *казанские* проявляли чрезвычайную жестокость и зверство по отношению к бизнесменам, с которых они брали деньги за свои охранные услуги: «Совершенно отмороженные, своих же дербанят, развиваться не дают»¹⁵. Подобное отношение было следствием системы ротации, которая создавала стимулы для максимизации краткосрочных заработков, а не установления долгосрочных взаимовыгодных отношений с бизнесом. *Казанских* мало интересовали долгосрочные вложения в Петербурге. После того, как в апреле 1995 г. *казанскими* бандитами был застрелен сотрудник РУБОПа и еще один был ранен, правоохранительные органы начали беспрецедентную карательную операцию, нацеленную против руководящей верхушки этой группировки и их коммерческих проектов¹⁶. Из интервью, взятого у сотрудника РУБОПа: «Казанские после 1995 года, после того, как они застрелили сотрудников РУБОПа на Суворовском, много потеряли. РУБОП арестовал почти всех бандитов, стали давить *казанских* и других заодно, а другим бандитам сказали, что все это из-за *казанского* беспредела, и они тоже *казанским* предьяву сделали. К тому времени и Ноиль был убит, лидер и организатор *казанских*. Они беспредельщики, и у них не было единого центра. Группы наезжали из Казани и брали сколько могли, а коммерсанты от них уходили, обставились против них другими крышами, чтобы к ним не попадать» [6]. Другие эксперты также подтвердили, что *казанские* напрямую были связаны с мошенничеством, грабежами, наркоторговлей, что в конечном итоге и сделало их более уязвимыми при проведении кампаний по борьбе с преступностью [11, 14]. Не исключено, что к борьбе с *казанскими* также приложили руку и другие ОПГ города.

Тем временем, к началу 1994 г. все основные лидеры *тамбовских* вновь оказались на свободе. Теперь основная угроза, с которой столкнулась группировка, исходила не от правоохранительных органов, а от внутреннего конфликта, начавшегося в 1993 г. и являвшегося типичным для этой среды. Одна фракция ОПГ, *великолукская* бригада, руководимая братьями Гавриленковыми, конфисковала у бизнесмена, работавшего под «крышей» Кумарина, большую партию вина (более 1 млн. долл.), закупленного накануне Игр доброй воли. Не желая возвращать вино или деньги, *великолукские* решили устранить лидера другой фракции. В июне 1994 г. на Кумарина было совершено покушение: наемный убийца выпустил по его автомашине 28 пуль, убив телохранителя и тяжело ранив Кумарина, который из-за этого потерял руку. В результате «внутреннего» расследования и последовавшей за этим войны все авторитеты *великолукской* бригады были постепенно устранены¹⁷.

В результате конфликта Кумарину удалось консолидировать руководство ОПГ. В 1995 г. началась ее активная переориентация на инвестиции в легальную экономику. Обычно на этом

¹⁵ Константинов А. Бандитский Петербург' 98. С. 216.

¹⁶ Химич В. Расстрел машины РУБОПа. Сорвавшаяся разработка // Оперативное прикрытие, 1997, №1. С. 23–25.

¹⁷ Об этом эпизоде Мариной Козловой был снят документальный фильм «Бандитский мартиролог» [Серия «Вне закона». Санкт-Петербург: Дубль видео, 1998]. См. также: Константинов А. Бандитский Петербург' 98. С. 342. В течение 1994–1995 гг. были убиты Н. Гавриленков («Степаньч»), «Анжей», Косов, Архипов, Рунов и Гаврисенков. В. Гавриленков был ранен во время покушения на него в отеле «Невский палас».

этапе структура ОПГ начинает меняться. В «классическом» варианте ОПГ предоставляли охрану и контролировали сделки предприятий, получая 20-30% прибыли, а руководство этих предприятий («барыги», «лохи») рассматривались лишь как источник дани. Во многих случаях ОПГ могли произвольно конфисковывать их активы, поскольку рассматривали коммерсантов как свою собственность и подчиненную группу. Но по мере капитализации охранной дани в ОПГ стали появляться особые, «доверенные» коммерсанты, являвшиеся полноправными участниками и управлявшие инвестиционной деятельностью группировки. Вместе с ее ведущими авторитетами они являлись совладельцами крупных холдингов и занимали директорские должности (сами авторитеты часто оформлялись как заместители по вопросам безопасности). Многие коммерческие проекты *тамбовских*, например, реализовывались через братьев Вячеслава и Сергея Шевченко, депутатов Госдумы (ЛДПР) и Законодательного собрания Петербурга соответственно. Оба являлись владельцами сети магазинов, ночных клубов, УКВ-радиостанции и издательской сети. Местная политическая протекция также обеспечивалась вице-спикером Законодательного собрания Новоселовым. Силовой потенциал *тамбовских* был легализован через создание частных охранных предприятий «Дельта-2», «Конкорд», «Кондор», «Касатка» [6].

Стратегический интерес *тамбовских* вскоре переместился в сферу торговли энергоресурсами. В начале 1990-х гг. основным поставщиком топлива в северо-западный регион была сибирская кампания «Сургутнефтегаз». Ей принадлежали большинство нефтебаз, бензоколонок и других объектов топливно-энергетической инфраструктуры. Городские и областные власти находились в зависимости от ценовой политики сибирской монополии и объема поставок. Необходимость реорганизовать топливно-энергетический рынок стала особенно насущной после топливных кризисов 1994 г. Для изменения ситуации необходимо было ввести других игроков и создать конкуренцию на рынке нефтепродуктов. Но было и параллельное решение, которое позволяло тому, кто его осуществит, с одной стороны, помочь властям приобрести больший контроль за рынком, а с другой стороны, воспользоваться ситуацией в свою пользу. Суть этого решения, которое и начало осуществлять руководство *тамбовской* ОПГ, состояло в том, чтобы отрезать местную топливно-энергетическую инфраструктуру от своей материнской компании, т.е. взять под контроль дочерние предприятия «Сургутнефтегаза» в Петербурге и Ленинградской области и связать их с альтернативными поставщиками нефтепродуктов. Используя тактику выгодных предложений и предложений, «от которых нельзя отказаться», а также различные схемы и манипуляции с правами собственности, т.е. весь арсенал наработанных методов, *тамбовская* ОПГ осуществила этот план в течение трех лет. В то же время, следуя примеру московских властей, петербургское руководство приняло решение создать компанию, призванную защищать интересы региональных потребителей. В сентябре 1994 г. городская администрация совместно с рядом ведущих бизнесменов создали Петербургскую топливную компанию (ПТК). К началу 1998 г. все бывшие дочерние предприятия «Сургутнефтегаза», а также новые компоненты топливно-энергетической инфраструктуры, созданные *тамбовскими*, официально вошли в холдинг ПТК¹⁸. Взяв фамилию матери, Кумарин (ныне Барсуков) стал вице-президентом компании, а ее президентом стал вице-губернатор Юрий Антонов.

Для *тамбовских* ПТК оказалась чем-то вроде «тройного коня». Чем сильнее ОПГ вовлекалась в приобретение в собственность предприятий и фирм и в управление ими, тем более она была вынуждена подчиняться законам и правилам, отличавшимся от тех, которые были приняты в преступной среде. Многие пишут о влиянии преступной среды на стиль бизнеса в России, но мало кто обращал внимание на влияние бизнес-стиля на преступную среду. *Тамбовская* ОПГ

¹⁸ См.: *Оперативное прикрытие*. 1998. № 1. С. 28-33; *Общая газета*. № 22. 1998. 20–26 августа. С. 4.

стала в гораздо большей степени зависеть от профессиональных менеджеров, финансистов и бухгалтеров. Экономические интересы ОПГ, воздействующие на нее императивы рыночной экономики и стремление ее верхушки к подражанию бизнес-элите (иногда чисто функциональное) постепенно превратили ее криминальную репутацию – мощный фактор экономии издержек в охранном бизнесе – в отрицательный актив. Теперь ПТК стремится формально оставаться в рамках закона и в результате срачивания с региональными властями вынуждена все более полагаться на околосударственные структуры в обеспечении прав собственности и безопасности. «ПТК имеет четкую инфраструктуру и абсолютно прозрачна для города как налогоплательщик», утверждал в конце 1999 г. ее президент и вице-губернатор города Антонов¹⁹. Главным консультантом по безопасности ПТК являлся один бывший начальник ГУВД Сергей Буханевич [6]. Стремясь в автобиографическом интервью переопределить себя как бизнесмена, Владимир Барсуков говорил о том, что он открыл новые задачи и изменил свое понимание жизни. *«В июне 1998 года я стал вице-президентом крупнейшего холдинга – “Петербургской топливной кампании”. У нас очень много задач, нужно решать много проблем: не сверстан еще бюджет, мы делаем единую бухгалтерию, единое холдинговое управление. То есть в моей жизни сейчас произошли большие изменения...»*²⁰

Но к концу 1999 г. ситуация стала ухудшаться, и бизнес-группа начала терять ключевых людей. В октябре в своем служебном автомобиле был взорван депутат Виктор Новоселов, в начале 2000 г. был арестован бывший депутат Сергей Шевченко, а его брат объявлен в розыск. Вскоре был убит и ближайший помощник Барсукова бывший тренер по борьбе из Военного института физкультуры Георгий Поздняков²¹. Лозунг «Петербург – криминальная столица России», активно «раскручивавшийся» накануне губернаторских выборов противниками действующего губернатора, лишь добавил проблем бизнес-группе ПТК-тамбовские. Но на этот раз на вызов, брошенный тамбовским, был дан не совсем обычный ответ, что можно рассматривать как готовность учитывать новые правила игры. В газете «Смена» Барсуков опубликовал статью под названием «Тамбовцы, как и петербуржцы, – это всего лишь жители российских городов». В названии отразилось стремление «отмыть» слово тамбовские или тамбовцы от привычной ассоциации с преступным миром и переопределить себя в качестве граждан, работающих на общее благо. В самой статье выражается протест против термина «криминальная столица» и рассказывается о том, какую пользу городу приносит ПТК. Барсуков, в частности, утверждает, что 90% общественного транспорта заправляется ПТК и что город владеет 14,5% акций холдинга, в котором занято 2,5 тыс. человек²². Несмотря на эти усилия, ему впоследствии все же пришлось покинуть должность вице-президента ПТК. Этот шаг, тем не менее, едва ли следует считать потерей контроля. Его можно рассматривать и как реализацию принципа разделения владения и управления. По словам основателя ОПГ, «мы же занимаемся не только бензином, но и недвижимостью, торговлей продуктами. И действительно, думаю, что все у нас только-только начинается».²³

¹⁹ Личности Петербурга. 2000. № 1. С. 8.

²⁰ Константинов А. Бандитский Петербург'98. С. 390.

²¹ Смена. 2000. 27 апреля. С. 3.

²² Смена, 2000. 20 апреля. С. 4.

²³ Константинов А. Бандитский Петербург'98. С. 388.

Уралмашевские

Уралмашевская ОПГ стала называться так по месту своего образования – район, прилегающий к Уральскому машиностроительному заводу, известному как «Уралмаш». Ее основателями были местные спортсмены (С. Воробьев, А. Хабаров, С. Терентьев, С. Курдюмов и др.), а также братья Григорий и Константин Цыгановы, имевшие опыт деятельности в «теневой» экономике советского периода. Как и множество других подобных образований по всей стране, *уралмашевские* установили контроль над местным рынком и кооперативным сектором, а также наладили подпольное производство и продажу алкоголя. Когда в конце 1991 г. завод «Уралмаш» столкнулся с серьезным дефицитом наличности и не мог выплачивать зарплату, воспитанники заводского спортклуба предложили свою помощь, а взамен получили право пользования несколькими помещениями, включая Дворец культуры, который вскоре стал главным офисом фирмы «Интерспорт» и штабом ОПГ. Как и сотни других ОПГ, *уралмашевские* получали 20–30% прибыли хозяйственных субъектов, которым они обеспечивали безопасность и контроль за соблюдением контрактов. Но в отличие от других, они начали активно вкладывать деньги в охраняемые предприятия. Переход к капитализации охранной дани впоследствии предоставил ОПГ важные конкурентные преимущества.

Начало 1990-х гг. было периодом бурного роста ОПГ и расширения их коммерческой деятельности во всех крупных городах. Это быстро привело к острым конфликтам с неизбежным применением силы. В 1992–93 гг. в Екатеринбурге шла интенсивная война, в которой *уралмашевским* сначала противостояла группировка традиционной уголовной направленности, *синие*, а затем ОПГ *центральная* (или *центровые*), сформировавшаяся из спортсменов и городской молодежи вокруг центрального рынка. Едва ли необходимо пересказывать все драматические эпизоды этой гангстерской войны, тем более, что они уже неоднократно описывались в прессе²⁴. В итоге *синие* проиграли и остались, в основном, в криминальных видах бизнеса. Противостояние *уралмашевской* и *центральной* ОПГ закончилось смертью Константина Цыганова и лидера *центральной* Олега Вагина, а также около двух десятков «авторитетов» и коммерсантов с обеих сторон. Но в целом, конфликт закончился в пользу *уралмашевских*. В результате *центровые*, новым лидером которых стал тренер по каратэ Владимир Клементьев, остались в гостиничном, игорном бизнесе и торговле. *Уралмашевская* ОПГ начала активно продвигаться в область обработки меди, энергетический сектор и сферу коммуникаций. Группировка также проводила благотворительные акции, субсидируя городской транспорт и спортивные школы.

Весной 1993 г. правоохранительные органы арестовали Константина Цыганова, предъявив ему обвинение в вымогательстве. На пресс-конференции глава регионального ГУВД заявил, что арестован лидер организованной преступности. *Уралмашевские* были публично названы организованным преступным сообществом (ОПС). В ответ на это Андрей Панпурин, один из ведущих бизнесменов города, президент «Евро-азиатской компании» и директор Уральского брокерского дома, также созвал пресс-конференцию, на которой предложил другое видение ситуации, утверждая, что ««Уралмаш» – это финансовая группа, а не ОПГ» и что она переориентировалась на «социально значимую деятельность». Без какой-либо иронии предприниматель объяснил природу ее экономического успеха: «Стиль работы “Уралмаш”, в отличие от других, самый цивилизованный и демократичный: никто не душил бизнесменов, многие проблемы нивелировались, уходила боязнь идти на контакты с партнерами. Константин Цыганов является фигурой стабилизирующего фактора для сотрудничающих с ним

²⁴ См. обзор в кн: *Житенев В.Б.* (ред.) *Мафия в Екатеринбурге: общественное мнение и пресса об организованной преступности.* Екатеринбург: Новая гильдия, 1993.

предприятий. Он поддерживал баланс сил, который с его арестом может быть нарушен»²⁵. Через некоторое время Цыганов был выпущен на свободу.

На упомянутой пресс-конференции Панпурин пытался объяснить экономическую политику ОПГ, состоявшую в создании условий для инвестиций и расширения бизнеса. Значительный силовой ресурс ОПГ позволял обеспечивать безопасность бизнеса и контроль за исполнением обязательств для хозяйственных субъектов, принадлежащих ОПГ или ее партнерам – набор услуг, спрос на которые был предельно высок в условиях, когда государство было не в состоянии их предоставить. Если рассматривать лишь экономический аспект деятельности ОПГ, можно предположить, что *уралмашевские* одними из первых нашли продуктивный способ использования силового ресурса, сосредоточившись на защите инвестиций и предоставлении гарантий охраны прав собственности бизнесменам, участвовавшим в совместных инвестиционных проектах. Согласно данным правоохранительных органов члены *уралмашевской* ОПГ учредили около 200 компаний и 12 банков и выступали долевыми участниками еще в 90 компаниях. Основные инвестиции группы были направлены в холдинг предприятий по переработке меди «Европа», нефтеперерабатывающий комплекс «Уралнефтепродукт», компании мобильной и пейджинговой связи «Уралвестком» и «Континентал-Линк», торговлю автомобилями и производство пива²⁶. В то же время, было отмечено снижение числа уголовных преступлений, совершенных участниками ОПГ²⁷.

К середине 1990-х гг. ОПГ *уралмашевская* превратилась в региональную бизнес-группу с полуофициальным названием «Уралмаш», которая состояла из предприятий и фирм, объединенных отношениями собственности, и неформальной «надстройки» с собственным силовым ресурсом, используемым для обеспечения безопасности и охраны прав собственности. Бандиты превращались в капиталистов, но полулегальный статус уже не соответствовал масштабам их деятельности. Лидеры бизнес-группы «Уралмаш» начали устанавливать отношения с властями, а последние уже не могли игнорировать новую силу, появившуюся в регионе. Первым знаком установления пакта стала активная поддержка, оказанная оппозиционному Москве Эдуарду Росселю на губернаторских выборах в 1995 г. Позже Россель заявил в одном из своих интервью, что по его сведениям, у *уралмашевских* больше нет никаких проблем с законом. Наибольшее значение, по его мнению, имеет реальный вклад группировки в региональную экономику: «Я дал им приказ инвестировать в строительную индустрию региона»²⁸. Лидеры «Уралмаш» вошли в движение «Преображение Урала», которое активно занималось обеспечением общественной поддержки губернатору. В 1996 г., накануне президентских выборов, А. Хабаров организовал «Движение рабочих в поддержку Бориса Ельцина», за что получил благодарственное письмо от переизбранного президента и часы с дарственной надписью от губернатора. «Я действительно горжусь ими», – признался Хабаров. – «Мне не просто их подарили. Меня отметили. Меня признали за человека, да? Это стоит того, чтобы помнить об этом»²⁹.

²⁵ *Вечерний Екатеринбург*. 1993. 29 мая. С. 1.

²⁶ Справка в отношении ОПС, действующих в Свердловской области // Аналитическая записка Свердловского УФСБ. 1998. С. 2.

²⁷ Обзор структуры организованных преступных формирований Свердловской области // Отчет Свердловского РУБОП. 1998. С. 8.

²⁸ *Независимая газета*. 1999. 11 июня. С. 4.

²⁹ *Мостовщиков С.* Конец бандитизма в России // Эксперт. Июнь 1999. № 26. С. 55.

Летом 1999 г. движение «Преображение Урала» снова оказывало поддержку Росселю на губернаторских выборах. Незадолго до этого, 6 мая того же года региональное отделение Министерства юстиции зарегистрировало Общественно-политический союз (ОПС) «Уралмаш». В него вошли все оставшиеся в живых основатели группировки *уралмашевская* и еще десяток «белых воротничков, никогда не державших в руках что-либо тяжелее калькулятора» [6]. Аббревиатура ОПС (организованное преступное сообщество), ранее употреблявшаяся правоохранными органами, была таким образом переопределена его участниками и формально утверждена государственным органом в новой расшифровке. Символическая значимость этого события очевидна. Практически регистрация ОПС «Уралмаш» дала возможность ее членам формально участвовать в выборах и региональных политических процессах, т.е. по сути легализовала политическую «надстройку», реализующую интересы определенной группы собственников.

На официальном интернет-сайте Союза помещена краткая летопись событий, представляющая историю ОПС в благоприятном свете. На раннем хаотичном этапе реформ, говорится в ней, группа спортсменов решила стать бизнесменами. Им удалось устоять под давлением «преступных элементов» и защитить свой бизнес и бизнес своих партнеров в то время, когда государство было неспособно предоставить им защиту и арбитраж. На попытки ряда нечистоплотных сотрудников милиции сфабриковать против них уголовное дело «Уралмаш» ответил инвестициями в местную экономику, наполнением рынка товарами и услугами и решением проблемы безработицы среди молодежи. Помимо усилий, предпринятых для спасения региональной промышленности и ее защиты от «негативного внешнего вмешательства», группа оказывала поддержку спортивной и культурной жизни региона и взяла под охрану свой родной район Уралмаш (официальное название Орджоникидзевский) «с целью защитить граждан от хулиганов»³⁰. Стремясь укрепить общественную поддержку, члены ОПС «Уралмаш» организовали жесткую кампанию по борьбе с наркотиками под названием «Город без наркотиков», с целью очистить город от наркоторговцев и заставить наркоманов пройти программу лечения³¹.

И все же, согласно социологическому опросу, проведенному в Екатеринбурге осенью 1999 г., общественное мнение не так податливо, как хотелось бы руководителям ОПС «Уралмаш». Значительная часть опрошенного населения (75,9%) полагает, что данная группа представляет собой «криминальную структуру» и «союз бандитов, стремящихся к власти»; 60,2% также согласились с формулировкой, согласно которой ОПС «Уралмаш» является «группой бизнесменов, пытающихся приобрести популярность для достижения личной коммерческой выгоды»; 27,6% считают их «группой бизнесменов, пытающихся улучшить ситуацию в городе»; и 38,8% согласились с мнением, что это «самая влиятельная экономическая и политическая сила в городе». На выборах в региональное законодательное собрание в марте 2000 г. С. Воробьев, один из основателей группировки, соперничал за депутатский мандат с бывшим главой районной администрации Черкасовым. Несмотря на то, что последний одержал победу с минимальным отрывом, самым значимым событием на этих выборах стал тот факт, что электорат оказался четко разделен по возрастному показателю: более молодые избиратели голосовали за кандидата от ОПС «Уралмаш», в то время как старшая возрастная группа отдала свои голоса Черкасову, представлявшему старую администрацию³².

³⁰ См.: <http://www.ops-uralmash.ru>.

³¹ Tyler, Patrick. Russian Vigilantes Fight Drug Dealers, *New York Times*, 4 March 2000.

³² Социум, Центр социологических исследований, рукопись проекта «Отношение населения Екатеринбурга к ОПС «Уралмаш»», 2000.

Вертикальная дезинтеграция

Большинство ОПГ начинали свою деятельность с вымогательства или откровенно криминального бизнеса. Затем они перенесли свою охранную и посредническую деятельность в сферу легальной торговли и производства. Большинство ОПГ стремились максимизировать свои доходы, изъять и распродать активы предприятий, которыми им удавалось завладеть, а затем вывести вырученные средства за границу. После этого многие лидеры ОПГ покидали пределы страны. Другие ОПГ (возможно, меньшинство) постепенно переориентировались на более предсказуемую и долгосрочную политику по отношению к экономическим субъектам, на создание относительно благоприятных условий для инвестиций, источником которых была охранная дань и доход от всевозможных неформальных силовых «услуг». В ноябре 1998 г. в интервью еженедельному журналу «Итоги» некий московский криминальный авторитет заявил следующее: «Самыми крупными инвесторами в России за последние два года являемся мы. Без наших вложений сегодня невозможно представить экономику страны. Плохо это или хорошо – вопрос не к нам»³³ Хотя точный объем подобных инвестиций вряд ли когда-либо станет известен, подобные заявления не следует воспринимать как чистый вымысел. Приведенные в данной статье примеры не единичны, а представляют собой распространенное явление. Когда силовые предприниматели становятся владельцами капитала, успешное использование активов и распоряжение ими начинают все более зависеть от логики и правил экономического действия. Во многом ОПГ стали жертвами собственного успеха. Стремясь захватить контроль над определенными сегментами легального рынка и капитализировать доходы, полученные от охранной и другой противозаконной деятельности, ОПГ и их лидеры сами стали объектами воздействия жестких императивов рыночной экономики. Те ОПГ, которые не смогли адаптироваться к легальной экономике, сохранили свой статус преступной группировки – и потеряли прежнее влияние, а те немногие, которые пошли по пути переопределения прав собственности в пользу экономических субъектов, активно использовали возможности легальных форм собственности и заключили неформальный пакт с региональными властями, – по сути, перестали существовать как ОПГ. Осознание того, что их дальнейший успех зависит от ряда новых принципов, начиная с того, что высокий уровень насилия ведет к неоправданным затратам и риску, т.е. экономически нецелесообразен, и заканчивая более сложной зависимостью от профессионального менеджмента, создало предпосылки для превращения ОПГ в региональные бизнес-группы.

Если бы с самого начала экономической либерализации ОПГ действовали в хорошо регулируемой институциональной среде, их рост был бы существенно ограничен, а их деятельность вскоре свелась бы к традиционным видам преступности. Но условия были иными. Действия ОПГ ограничивались в гораздо большей степени правилами и ограничениями, складывавшимися в процессе их взаимодействия, нежели формальными рамками законодательства и деятельностью правоохранительных органов. Эти правила, часто называемые «понятиями», в начальный период стали важной частью зарождающихся рыночных институтов. Альтернативная система правил – государственное законодательство – долгое время оставалась запутанной, противоречивой и лишенной механизмов принуждения к исполнению. Хотя неформальные институты долгое время были более эффективны и удобны для развития рыночной экономики, особенно для малого и среднего бизнеса, официальное законодательство и его применение все же постепенно набирало силу. К тому же, выборочное применение законов было мощным инструментом влияния властей на частный бизнес, поэтому

³³ *Итоги*. 1998. 8 декабря. С. 16.

для силовых предпринимателей и их компаний игнорировать формальные правила и институты было достаточно рискованной политикой. В определенный момент союз с местными властями стал необходимым условием защиты инвестиций и дальнейшего роста финансово-промышленных групп.

Скрытые, а иногда и открыто декларируемые сделки между местными властями и финансово-промышленными группами, выросшими из ОПГ, заключались во многих других регионах Российской Федерации, в том числе и в Москве. Незадолго до своего ареста в Швейцарии осенью 1996 г. Сергей Михайлов, считавшийся правоохранительными органами лидером *солнцевской* ОПГ, выиграл тендер на модернизацию московской системы водоснабжения и принял участие в проекте строительства газопровода из Туркменистана на Украину. Его деятельность, принявшая международные масштабы, имеет много общего с тремя приведенными выше случаями, и может рассматриваться как еще одна иллюстрация интеграции ОПГ в легальную экономику. Решение, вынесенное швейцарским судом (Михайлов был оправдан и получил компенсацию в размере 450 тыс. долларов за «неправомерное содержание под стражей»), не столько компрометирует судопроизводство, сколько отражает растущую тенденцию бывших силовых предпринимателей теневой экономики ориентироваться на правила, принятые в легальной международной экономической системе.

Для многих авторитетов участие в организованной преступности стало средством быстрого повышения социального статуса в пределах одного поколения. Что происходит с самими ОПГ, когда их лидеры переходят в легальный бизнес? Переориентация на легальный бизнес сопровождается привлечением кадров из государственных правоохранительных органов и специальных служб для охраны собственности, а также наймом юристов для правового оформления деятельности или решения имущественных споров. По мере того, как лидеры экономически успешных ОПГ развивали отношения с законными властями и интегрировались в легальный бизнес, члены среднего и низшего звена группировок становились ненужными. Многие из них теперь пополняют ряды обычной, неорганизованной преступности. Этот процесс можно назвать вертикальной дезинтеграцией. Если в середине 1990-х гг. молодые люди, склонные к насилию и риску, попадая в большие города, имели возможность стать участниками организаций с жесткой дисциплиной и постоянным источником дохода, то к 2000 г. эти возможности оказались практически исчерпаны. В результате общество все чаще сталкивается с другого рода опасностью – ростом жестоких преступлений (грабежей, уличного насилия), совершаемых небольшими группами, часто сопровождающихся тяжкими телесными повреждениями или убийствами. Если жертвами ОПГ были, в основном, сами участники ОПГ, а также работавшие с ними коммерсанты и чиновники, то жертвами неорганизованной преступности становятся простые граждане.